

Срок окупаемости квартиры в Европе (так называемый «коэффициент доступности жилья») составляет 5 лет. В России малообеспеченному гражданину надо копить на 50-метровую квартиру 80 лет.

Алексей Швейков

Глубинка глубинке – рознь

«НВ» пытается наконец выяснить, кому на Руси жить хорошо, – при помощи сухой статистики и аналитиков

Вечный некрасовский вопрос давно задается с ернической интонацией. Мол, всем плохо, но есть нюансы. В Министерстве регионального развития РФ нюансы тщательно фиксируют, но за сухими цифрами часто непонятно, в какой части России на хлеб мажут икру. По идее, с икрой должно быть хорошо в Сибири и на Дальнем Востоке, но там иногда всплывает проблема с хлебом и маслом. Говорят, что все деньги в Москве, но в статистике Центрального федерального округа они тонут на фоне беднейших областей Среднерусской возвышенности. В общем, понять особенности российской глубинки без знатоков невозможно.

Виктор Басаргин, министр регионального развития Российской Федерации:

– Экономический кризис ударил в первую очередь по промышленно развитым областям: Липецкой, Кемеровской, Вологодской, Самарской, Нижегородской. Регионы, ориентированные на сельское хозяйство, торговлю, туризм, пережили кризис значительно проще. Это, например, Приморский и Краснодарский края. В прошлом году Минрегионразвития направил в регионы 392 миллиарда рублей в форме субсидий, чтобы местные власти могли выполнить расходные обязательства, уже заложенные в бюджет. Исходили из реальных потребностей. У Петербурга и Москвы достаточно ресурсов, чтобы пережить последствия протасиваний, поэтому основную часть получили регионы, где за сокращением производства обычно следуют массовые увольнения. Кроме того, мы контролируем реализацию свыше десятка инвестиционных проектов в 32 субъектах Федерации. В 2009 году на эти цели потрачено 63 миллиарда рублей из инвестиционного фонда, и мы надеемся, что эта программа позволит создать 61 тысячу новых рабочих мест.

Григорий Милов, руководитель Независимого экспертного института экономической политики:

– За последние десять лет увеличилось неравенство доходов десяти процентов самых богатых и самых бедных россиян. Оно достигло 17-кратного разрыва против 13-кратного в 2000 году – это рекорд в новой истории России. Та же тенденция и на уровне регионов. Валовой региональный продукт на душу населения в десяти самых богатых субъектах Федерации в 6,3 раза выше, чем в бедных. Разница между средней зарплатой, например, в Москве и Иваново составляет 6,3 раза. Средняя зарплата в стране не так уж и мала – 17 300 рублей. Но она достигается за счет высокого уровня доходов в 20 областях, ориентированных на добычу сырья, – Тюмень, Томск, Татарстан. В республиках Северного Кавказа средняя зарплата составляет 7–9 тысяч рублей, в Рязани – 11 тысяч рублей. Таких огромных диспропорций не бывает в развитых странах, это удел государств третьего мира, уровень жизни в которых напрямую зависит от экспорта сырья. Поразительно, что высокие доходы в одном субъекте не ведут собой развитие соседней, как это произошло тридцать лет назад, например, на итальянском Севере, где развитие Милана и Турина потянуло за собой весь регион. В России же богатый Петербург много десятилетий соседствует с беднейшими Псковом и Новгородом.

Андрей Близнец, аналитик компании «Истоки»:

– В нефтедобывающих регионах, например в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, зарплаты на уровне Москвы. Но статистику делают граждане, имеющие отношение к добыче и переработке нефти и газа, – это видно невооруженным глазом. Тюмень, вероятно, единственный в России областной центр, где средняя зарплата ниже, чем в целом по области, – 14 и 18 тысяч рублей соответственно. В Сургуте, Надыме, Новом Уренгое никто не получает меньше 30 тысяч. В то же

время в тундре есть поселки, где люди зарабатывают 4–5 тысяч рублей. Можно бесконечно перечислять эти парадоксы. В Петербурге бухгалтер получает в два раза больше, чем в Ленобласти, хотя расстояние между их офисами можно проехать за полчаса. Правительство еще в девяностые годы повело себя не очень грамотно: оно позволило 90 процентам российского капитала сосредоточиться в Москве. Пять лет назад на самом верху был одобрен перевод части крупных налогоплательщиков в Петербург. Но «облегчили» от денег не столько московский бюджет, сколько несколько местных. Например, крупный авиаперевозчик «Трансаэро» пришел в Петербург из Калуги. Думаю, это был колоссальный удар по бюджету области.

Александр Суринов, руководитель службы государственной статистики:

– Кризис дал новый толчок развитию теневой экономики, которую специалисты называют «ненаблюдаемой». Вероятно, сегодня в России находится часть российской экономики в тени, и это создает определенную проблему при формировании экономической статистики. В частности, это важно при подсчете ВВП страны. Многие страны мира декларируют, что в ВВП страны необходимо включать все запрещенное производство: наркобизнес, торговля оружием, проституция (в тех странах, где она запрещена). Но реально мало кто учитывает эту часть рынка при подсчетах. Другая проблемная область – скрытое производство, когда масштабы хозяйственной деятельности умывалено закрываются, чтобы платить меньше налогов. А есть еще неформальная деятельность в виде

репетиторства, частного извоза, сдачи жилья в наем, есть личные хозяйства, в которых производятся продукты для внутрисемейного употребления. Наконец, есть проблема слабости статистических наблюдений, когда мы, например, не в полной мере изучаем отчеты предприятий. По всем этим направлениям ведется работа.

Владимир Гуревич, главный специалист исследовательского центра «АЛБЕС»:

– В России реальную ситуацию в тех или иных регионах трудно описать при помощи статистики. Например, Северный Кавказ – беднейший регион страны, но на деле это не так. Во-первых, дотации из Москвы составляют 5–6 миллиардов долларов в год. Это больше суммарного бюджета всего Северо-Западного региона за исключением Петербурга. Во-вторых, здесь более развиты родовые связи. Многие члены кланов занимаются бизнесом в других городах, их денежные пере-

везать на ноги. В Карелии одни из лучших экономических показателей в федеральном округе. А что реально? Метр жилья в приличном районе Петрозаводска стоит примерно как в Петербурге. Система местной власти консервативна и настроена не пускать в республику крупный бизнес со стороны. Официальная безработица небольшая, но реально люди предпочитают устроиться на халтуру без документов, чем ждать успехов на бирже.

Алексей Швейков, директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН:

– Доходы еще не говорят о благополучии человека. Поскольку ипотеку себе могут позволить только 15 процентов россиян, на первое место выходит собственность граждан: квартиры, машины, дачи. Если посмотреть на обеспеченность жильем в различных регионах России, то меньше всего квадратных метров на человека приходится в Москве – менее 20. А вверху списка оказались Петербург, Саратов и Краснодар – около 24 «квадратов» на человека. Но это все равно очень немного. В Европе считается нормой 40 квадратных метров на человека, в Копенгагене, например, и вовсе 60.

Срок окупаемости квартиры в Европе (так называемый «коэффициент доступности жилья») составляет 5 лет. В России малообеспеченному гражданину надо копить на 50-метровую квартиру 80 лет. Это не говоря о качестве российского жилья, значительная часть которого не соответствует европейским стандартам. Тем не менее недвижимостью – главным капиталом для многих россиян. Скромный служащий, получивший квартиру в наследство, оказывается более финансово благополучным по сравнению с успешным менеджером, у которого ее нет. И наконец, на Кавказе, вероятно, как нигде развиты коррупция, уход от налогов, «черные зарплаты». А на Северо-Западе ситуация обратная. Налоговый контроль достаточно строгий, он зачастую мешает предпринимателям

За последние десять лет увеличилось неравенство доходов десяти процентов самых богатых и самых бедных россиян. Оно достигло 17-кратного разрыва против 13-кратного в 2000 году – это рекорд в новой истории России. Та же тенденция и на уровне регионов. Валовой региональный продукт на душу населения в десяти самых богатых субъектах Федерации в 6,3 раза выше, чем в бедных.

Григорий Милов

воды составляют десятки миллиардов рублей. В-третьих, на Кавказе, вероятно, как нигде развиты коррупция, уход от налогов, «черные зарплаты». А на Северо-Западе ситуация обратная. Налоговый контроль достаточно строгий, он зачастую мешает предпринимателям

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

Как я внедрил хай-тек

Сергей Назаров, инженер, обозреватель «НВ»

Умные высокопоставленные люди со всех трибун говорят: жить надо по-новому – с помощью инноваций. В этой связи хотелось бы поделиться своим личным практическим опытом внедрения «высоких технологий» и тем самым объяснить, почему в нашей стране не способны обеспечить прогресс ни экономическая выгода, ни приказы сверху.

Идти в «инновации» мне было уготовлено судьбой, как человеку, в чьем дипломе значится «физик-исследователь». Личный переход из сферы торговли ширпотребом в частную инженерную организацию совпал с переходом отечественной экономики из эры «бандитских 90-х» в «стабильные нулевые».

Основной деятельностью фирмы на новом месте работы была продажа и монтаж систем безопасности нескольких иногородних заводов, с которыми «дружил» наш генеральный. В принципе, продукт почти инновационный. Несколько оборонных заводов перестроились и стали выпускать приборы, поднимающие «тревогу» в случае пожара и появления в воздухе различных опасных веществ. В нашей стране, где что-то регулярно взрывается или горит, дело очень полезное. Тем более наши системы

были вдвое дешевле импортных аналогов. Через три месяца моей работы сбыт вырос втрое. Думаете, помогло знание предмета? К сожалению, нет. Прорыв в сбыте нужного инновационного оборудования обеспечила... моя договоренность с инспекторами Ростехнадзора, проверяющими по долгу службы опасные объекты. За «благодарность» они «вспомнили» про элементарные нормы безопасности и стали выписывать проверяемым предприятиям и фирмам предписания – всего лишь выполняя свои непосредственные обязанности. Но при этом они чиркали на бумаге мой телефон, поясняя, что «там вам помогут».

В общем, мы делали нужное дело, помогаю и себе, и своим поставщикам, и тем, кто покупал наши системы, и отчасти чиновникам.

Но потом все кончилось. Почувствовав вкус легких денег, наши друзья-чиновники начали перегибать палку. Хотя речь шла все о тех же системах безопасности, они стали требовать от нас согласований проектов этих систем, согласований инструкций по пользованию этими системами и прочей бумажной шелухи. Все эти согласования стоили втрое дороже самого оборудования. И мы в итоге уступили рынок импорту. Но от своей мечты заниматься инновациями не отказались. Просто решили сменить и сферу деятельности, и даже регион.

В одном из небольших городов нашли предприятие, которое имело на своем балансе

газовую котельную. Она приносила заводу одни убытки, поскольку отапливала в основном местную школу, а бюджет выделял в качестве компенсации настолько смехотворные суммы, что содержать это советское наследие приходилось за счет скромной заводской прибыли. Но при любой попытке закрыть эту финансовую дыру приезжала прокуратура с грозным вопросом: вы что, детей хотите заморозить? Принять же котельную в дар и реконструировать за свой счет местные власти отказывались из-за отсутствия денег по этим статьям расходов.

Мы решили помочь бедному заводу. Проанализировав ситуацию, я предложил поставить... собственную электростанцию. На высоком техническом совещании этот парадоксальный бизнес-план одобрили, и работа пошла. Летом на приобретенный за бесценок дизель-генератор были навешаны многочисленные хитрые железки, сделанные нами самостоятельно на станках здесь же, в котельной, – по собственным чертежам. Коллеги из отдела автоматизации оплели изделие проводами и запрограммировали микропроцессор управления. В час начала отопительного сезона к дизелю подвели тоненький резиновый шланг от так называемого запальника, нажали кнопку – и наша собственная электростанция заработала! Если честно, то главный элемент успеха (да простит Ростехнадзор!) в том, что никто ниче-

го ни с кем не согласовывал. Следующим этапом мы направили тепло, улетающее в воздух при работе дизеля, на подогрев воды, идущей в котел. Дополнительная экономия газа составила еще 5 процентов. Наше счастье и гордость были заоблачными. Но недолгими.

– А почему это вы электричество перестали потреблять?! – возмутился главный инженер школы и... стал писать доносы во все возможные и невозможные инстанции. Абсурд в итоге был в том, что на каждый визит очередного вымо... я хотел сказать «проверяющего» представлялись соответствующие документы: генераторы 50 КВт не подлежат, как оказалось, обязательной сертификации, но завод – производитель дизелей (отметив мои успехи) официально предоставил свои сертификаты... Но это не помогло. А пересогласовать все десять томов проекта котельной 1975 года нам уже не хотелось: мы поняли, что все впустую.

Честно скажу: когда я снимал все, что сделал, чтобы вернуть дизель в привычный вид и продать почти как металлолом, то плакал. Потом узнал, что котельную закрыли, а бюджету пришлось-таки разориться, прокладывая к школе новую теплотрассу от большой станции.

Кстати, один мой коллега в аналогичной ситуации пошел законным путем: решил все согласовать – и потратил столько же денег на бумаги, сколько я на всю работу, и еще год вре-

мени. Это и у него отбило желание внедрять какие бы то ни было инновации раз и навсегда.

Сейчас я знаю совершенно точно: если я создам установку, позволяющую превращать обычный песок в чистое золото или бесплатно получать электроэнергию из космоса, или выведу породу бактерий, которые будут превращать опилки в пшеничную муку, – мне ничего не дадут сделать или я останусь с одними убытками. Мою установку по производству золота заставят согласовывать и сертифицировать – не бесплатно. Энергетики не позволят мне подключиться к сетям, если я не возьму их в долю. Какое-нибудь Госзолото потребует оформить у них лицензию. Роспотребнадзор будет проверять меня и мой продукт на предмет санитарно-гигиенических правил. Местные чиновники не позволят мне осуществить перепланировку подвала и вообще не продлят аренду, если я и их не возьму в долю. То есть еще до начала работы мне нужно будет отдать прибыль за 100 лет вперед. То же самое будет со всеми остальными изобретениями, которые могли бы осчастливить человечество. Поэтому я не буду больше заниматься высокими технологиями, инновациями и прочим. Лучше сяду на шею государству, перейдя в бюджетники, или буду торговать импортом или просто сидеть на диване, как сотни тысяч других инноваторов, которые, как и я, набили себе шишек и потеряли деньги на своих экспериментах.